

Редьярд Киплинг

Конференция представителей власти

*Часть сборника
Самая удивительная повесть в
мире (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг
Конференция
представителей власти
Серия «Сталки и компания»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648601

Аннотация

«Комната стала голубой от дыма трех трубок и сигары. В Индии начался сезон отпусков, и первым плодом его по эту сторону канала был «Тик» Буало из 45-го бенгальского кавалерийского полка, который зашёл ко мне после трехлетнего отсутствия поболтать обо всем, что случилось с нами за это время. Судьба, которая отлично все устраивает, послала на ту же самую лестницу и в тот же самый час Инфанта, только что приехавшего из Верхней Бирмы, и они, взглянув вместе с Буало из моего окна, увидели шедшего по улице Невина, служившего незадолго перед тем в полку гурков, который участвовал в экспедиции в Чёрные Горы...»

Содержание

Редьярд Киплинг

Конференция

представителей власти

* * *

Комната стала голубой от дыма трех трубок и сигары. В Индии начался сезон отпусков, и первым плодом его по эту сторону канала был «Тик» Буало из 45-го бенгальского кавалерийского полка, который зашёл ко мне после трехлетнего отсутствия поболтать обо всем, что случилось с нами за это время. Судьба, которая отлично все устраивает, послала на ту же самую лестницу и в тот же самый час Инфанта, только что приехавшего из Верхней Бирмы, и они, взглянув вместе с Буало из моего окна, увидели шедшего по улице Невина, служившего незадолго перед тем в полку гурков, который участвовал в экспедиции в Чёрные Горы. Они крикнули ему, чтобы он зашёл к нам, так что вся улица узнала о их желании видеть его у себя, и он пришёл. Тогда в моей комнате образовался пандемониум, потому что все мы собрались сюда со всех концов земли; трое из нас были отпущены на каникулы, ни одному из нас не исполнилось ещё двадцати пяти лет, и все удовольствия Лондона были к нашим услугам.

Буало уселся на свободный стул, Инфант по праву своей объёмистой фигуры занял диван, а Невин, будучи маленького роста, сел, скрестив ноги, на верхнюю полку вращающейся этажерки с книгами, и все мы произнесли: «Кто бы мог подумать это?» и «Что вы делаете здесь?». Когда эти темы были исчерпаны, разговор перешёл на более интимную почву. Буало был полон грандиозных планов – завоевать положение военного attache в Петербурге, Невин надеялся попасть в Академию генерального штаба, а Инфант готов был пустить в движение небо и землю и конную гвардию, чтобы только получить назначение при египетской армии.

– К чему это вам нужно? – сказал Невин, вращаясь на этажерке.

– О, тут куча всяких соображений! Разумеется, если вы попадёте в полк феллахов, то вам придётся туго, но если вас прикомандируют к суданскому полку, то вы будете кататься, как сыр в масле. Во-первых, они великолепные воины, а кроме того, вспомните выгодное центральное положение Египта в предстоящем международном столкновении.

Эти слова имели действие зажённой спички в пороховом погребе. Мы принялись с жаром обсуждать центрально-азиатский вопрос, бросая целые корпуса из Хельмунда в Кашмир с более чем русскою беспечностью. Каждый из собеседников вёл войну сообразно своему пониманию, и, когда мы обсудили все подробности Армагеддона, убили всех наших старших офицеров, определили направление каждой дивизи-

зии и почти разорвали пополам атлас в попытках объяснить наши теории, Буало пришлось сильно возвысить голос, чтобы быть услышанным в этом гуле:

– Во всяком случае, это будет дьявольская борьба! – сказал он таким тоном, который выносил это убеждение далеко за пределы лестницы.

Невидимый за облаками дыма вошёл Вильям Молчаливый.

– Какой-то господин, сэра, хочет вас видеть, – сказал он и исчез, оставив вместо себя не кого иного, как м-ра Евстахия Кливера. Вильям был способен ввести хоть сказочного дракона с таким же пренебрежением к собравшемуся обществу.

– Я... я прошу извинения. Я не знал, что здесь ещё кто-нибудь, кроме вас. Я...

Но было бы неприлично позволить м-ру Кливеру уйти ни с чем – это был великий человек. Собеседники не переменили своих поз, потому что всякое передвижение было бы слишком громоздко для маленькой комнаты. Но, увидя его седые волосы, все поднялись на ноги, а когда Инфант услышал его имя, он спросил:

– Это вы... Не вы ли написали книгу под названием «Как было вначале»?

М-р Кливер подтвердил, что он действительно написал эту книгу.

– Тогда... Тогда я не знаю, как благодарить вас, – сказал Инфант, заливаясь румянцем. – Я родился в той стране, ко-

торуую вы описываете, там живут все мои родные; я читал эту книгу, когда мы стояли в лагере в Хлинедаталоне, и я узнавал в ней каждый сучок и каждый камешек. А язык! Клянусь небом, я испытывал такое чувство, как будто я у себя дома и слышу говор крестьян. Невин, вы ведь читали «Как было вначале»? Буало также читал.

На долю м-ра Кливера досталось столько всяких похвал и в прессе, и в частном кругу, сколько может без вреда для себя переварить один человек; но мне показалось, что неудержимое восхищение, сиявшее в глазах Инфанта, и лёгкое волнение, происшедшее среди всего общества, приятно тронули его.

– Не желаете ли вы сесть на диван? – сказал Инфант. – Я сяду на стул Буало, а... – тут он взглянул на меня, чтобы напомнить мне о моих обязанностях хозяина.

Но я не спускал глаз с лица новеллиста. Кливер не имел, по-видимому, ни малейшего желания уйти и сел на диван.

Следуя первому великому закону армии, который гласит: «Всякая собственность должна быть общей, кроме денег, а их вам стоит только попросить у первого встречного», Инфант предложил гостю выпить и закурить. Это было самое меньшее, что он мог сделать для гостя, но самая щедрая похвала не могла бы выразить такого глубокого уважения и почтения, какое звучало в простых словах Инфанта, произнесённых из-за высокого бокала: «Скажите, когда, сэр...»

Кливер сказал «когда» и ещё гораздо больше этого, пото-

му что он был золотой собеседник, и в том, как он держал себя среди всего этого поклонения, не было и тени самомнения. Молодые люди спросили его о том, когда зародилась его книга и не было ли ему трудно писать её и как он пришёл к своим убеждениям; и он отвечал им с такой же совершённой простотой, с какой его спрашивали. Его большие глаза блестели, он перебирал длинными тонкими пальцами свою большую седую бороду и дёргал её в моменты воодушевления.

Он не мог хорошенько понять молодёжь, которая с таким почтением ловила каждое его слово. Белая полоса – след киверного ремня – на скулах и подбородке; молодые, смелые глаза, окружённые лёгкими морщинами в углах век от необходимости пристально всматриваться вдаль при ярком солнечном сиянии, спокойное, равномерное дыхание и отрывистая неровная речь, вопросы, полные любознательности, приводили его в замешательство. Он мог создавать в своём воображении мужчин и женщин и посылать их в отдалёнейшие концы земного шара, чтобы содействовать их благополучию и удовольствию; он знал все о сельской жизни и мог объяснять её особенности городским жителям, он знал также сердца многих городских и сельских жителей, но вот уже сорок лет, как он совершенно не встречался с такого рода существами, какими являлись эти субалтерны линейных войск. И он по-своему объяснил это своим молодым слушателям.

– Но как же вы могли узнать нас? – спросил Инфант. – Вы ведь сами видите, вы – нечто совершенно особенное.

Инфант выразил свою мысль скорее тоном, чем словами, но Кливер понял комплимент.

– Мы только «субы», – сказал Невин, – и мне кажется, мы не совсем похожи на тот сорт людей, с которыми вы привыкли встречаться в жизни.

– Это правда, – сказал Кливер, – я жил преимущественно среди людей, которые едят, рисуют, лепят и тому подобное. У нас свой собственный язык и свои собственные интересы, а внешний мир не особенно волнует нас.

– Это, должно быть, страшно интересно, – заметил Буало. – У нас тоже свой мирок, но он, разумеется, не так интересен, как ваш. Вы знаете всех людей, которые что-нибудь дали обществу, мы же только скитаемся с места на место и ничего не делаем.

– Служба в армии очень потворствует лени, если только вы имеете к ней склонность. Если не надо никуда идти, то незачем и идти, и вы можете отдыхать.

– Или пытаешься достать где-нибудь билет и быть наготове для следующего представления, – со смехом вставил Инфант.

– Что касается меня, – мягко сказал Кливер, – то вся эта идея войны представляется мне такой чуждой и неестественной, такой вульгарной по существу, если можно так выразиться, что мне трудно даже оценить ваши чувства. Но, разу-

меется, я понимаю, что всякое изменение обычных условий службы в городских гарнизонах должно быть для вас истинным благодеянием судьбы.

Как и многие домоседы-англичане, Кливер был убеждён, что процитированная им газетная фраза покрывала собою все обязанности армии, труды которой давали ему возможность спокойно наслаждаться своей разносторонней жизнью. Замечание было не из удачных, потому что Буало как раз только что вернулся с индийской границы, Инфант почти восемнадцать месяцев провёл на военном положении, а маленький красноволосый Невин не далее как два месяца тому назад ночевал под звёздами с опасностью для жизни. Но ни один из них и не старался оправдаться, пока я не вступился и не объяснил, что все они уже побывали в деле и не привыкли к лени. Кливер не сразу понял меня.

– Побывали в деле? – спросил он. И затем тоном ребёнка сказал: – Расскажите мне. Расскажите мне все, что вы знаете об этом.

– Что именно вас интересует? – спросил Инфант, восхищённый тем, что великий человек обратился прямо к нему.

– Великое Небо! Как я могу вам это объяснить, если вы сами не видите! Прежде всего, сколько вам лет?

– В июле исполнится двадцать три, – поспешно ответил Инфант.

Кливер взглядом предложил тот же вопрос другим.

– Мне двадцать четыре, – сказал Невин.

– А мне двадцать два, – сказал Буало.

– И вы все были на войне?

– Да, мы все попробовали её, а вот Инфант – так уж настоящий ветеран военной службы.

– Он два года работал в Верхней Бирме, – сказал Невин.

– Когда вы говорите «работал», что вы под этим подразумеваете, странные вы люди?

– Объясни, Инфант, – сказал Невин.

– О, это значит вообще поддерживать порядок и, кроме того, гоняться за маленькими даку, то есть за дакоитами... Тут даже нечего и объяснять.

– Заставьте этого молодого левиафана рассказать, – нетерпеливо сказал Кливер.

– Как он может рассказывать? – сказал я. – Он просто делал своё дело, точно так же, как те двое. Разговоры и дело – две вещи разные. И все же, Инфант, от вас требуют повествования.

– Но в каком роде? Я попытаюсь.

– Расскажите о даурах¹. У тебя ведь было множество приключений во время твоих экспедиций, – сказал Невин.

– Но скажите, ради Бога, что это значит? Разве у армии свой собственный язык?

Инфант густо покраснел. Он боялся, что над ним будут смеяться, и, кроме того, он не любил говорить перед людьми другого круга. Но ведь это был автор книги «Как было вна-

---

¹ Даур – экспедиция войск, сопровождающаяся различными приключениями.

чале», а он ждал ответа.

– Все это так ново для меня, – просительно сказал Кливер, – и потом, вы ведь говорили, что вам понравилась моя книга...

Эта форма обращения была понятна Инфанту, и он начал рассказывать, сильно смущаясь и употребляя вследствие этого много грубых простонародных выражений.

– Остановите меня, сэръ, если я скажу что-нибудь непонятное для вас. За шесть месяцев до того, как я взял отпуск и уехал из Бирмы, я был в Хлиндаталоне, поблизости от Шанских владений, с шестьюдесятью томми, то есть рядовыми наёмниками ещё другим субалтерном, на год старше меня. Служба в Бирме – это война субалтернов, а наши силы были разбиты на несколько маленьких отрядов, которые блуждали по всем направлениям в погоне за дакоитами. Дакоиты великолепно проводили время: они, изволите ли видеть, обливали женщин керосином и затем поджигали их, поджигали деревни и распинали мужчин на крестах.

Удивление в глазах Евстахия Кливера все росло. Он совершенно не мог представить себе, что распятие ещё существует на земле в какой бы то ни было форме.

– А вам приходилось видеть распятие? – сказал он.

– Разумеется, нет; я бы не допустил этого, если бы видел. Но я видел тела распятых. Дакоиты имеют странную привычку спускать эти трупы на плоту вниз по реке, чтобы показать, что они лежат спиной кверху и наслаждаются жизнью. И вот

с такого сорта людьми мне приходилось встречаться.

– Одному? – сказал Кливер. Он понимал, как никто другой, одиночество души, но он никогда не уезжал и за десять миль от своих друзей.

– Со мной были люди, но большая часть отряда была далеко от нас: ближайший пост, откуда я мог получать приказы, был в пятнадцати милях от меня, и я обыкновенно объяснялся с ними при помощи гелиографа; в свою очередь, и они пользовались гелиографом для передачи мне приказов, могу сказать, многочисленных приказов.

– Кто был ваш начальник? – спросил Буало.

– Боундербай-майор. Пукка Боундербай. Более боундер, чем пукка. Он поехал по дороге в Бхамо. Был застрелен или зарезан в прошлом году, – сказал Инфант.

– Что означают эти вставки на иностранном языке? – спросил меня Кливер.

– Профессиональные выражения – подобно языку лоцманов на Миссисипи, – объяснил я. – Он не особенно одобряет своего майора, который умер насильственной смертью. Продолжайте, Инфант.

– Я сказал, что было слишком много приказов. Невозможно было взять Томми² даже в двухдневный даур, то есть экспедицию, без того, чтобы не получить нагоняй за то, что не взяли отпуска. А между тем вся страна кишела дакоитами. Я обычно высылал солдат вперёд на разведку и затем дей-

---

² Шуточное название английского солдата.

ствовал на основании их сообщений. Как только приходил ко мне человек и открывал мне местопребывание какой-нибудь разбойничьей шайки, я брал с собой тридцать человек и некоторое количество пищи и отправлялся на розыски в то время, как другой субалтерн лежал догго в лагере.

– Лежал, позвольте, как он лежал, как вы сказали? – спросил Кливер.

– Лежал догго – значит, отдыхал с остальными тридцатью солдатами. Когда же я возвращался, он брал своих людей и отправлялся делать своё дело.

– Кто это был – он? – спросил Буало.

– Картер Дисей из Аурунгабадского полка. Добрый малый, но слишком уж зуббердэсти. Он тоже ушёл от нас. Но не прерывайте же меня.

Кливер беспомощно взглянул на меня.

– Другой субалтерн, – быстро перевёл я, – перешёл из туземного полка и отличался большим высокомерием. Он сильно страдал от местной лихорадки и умер. Продолжайте, Инфант.

– Спустя некоторое время к нам начали приставать с тем, что мы расходуем людей по ничтожным поводам, и тогда я стал сажать своего сигнальщика под арест, чтобы помешать ему читать гелиотелеграммы. После этого я уходил со своим отрядом и оставлял депешу, которую должны были послать через час после моего выступления из лагеря, что-нибудь вроде этого: «Получил известия, выступаю через час, если не

получу приказа остаться». Если приходил приказ вернуться, я не обращал на него внимания. А вернувшись, я клялся, что часы начальника были неверны или что-нибудь в этом роде. Томми наслаждались этой проделкой и... О да, был там один томми, который был настоящим бардом отряда. Он обыкновенно сочинял стихи на все случаи.

– Какого рода стихи? – спросил Кливер.

– Премилые стихи! Томми обыкновенно распевали их громко. Была одна песня с хором, приблизительно такого содержания:

Тибо, король Бирмы, поступил очень глупо,
Когда выстроил вражеские войска в боевом порядке,
Он мало считался с тем, что мы из-за дальних морей
Пошлём наши армии в Мандалай.

– О, это великолепно, – воскликнул Кливер. – И как удивительно метко сказано! Понятие о полковом барде совершенно ново для меня, но, конечно, это вполне естественно.

– Он пользовался страшной популярностью среди солдат, – сказал Инфант. – Он перекладывал в поэмы все, что только они делали. Это был великий бард. У него всегда была наготове элегия, когда нам удавалось покончить с бохом, т. е. предводителем дакоитов.

– Как же вы приканчивали его? – сказал Кливер.

– О, просто пристреливали его, если он не сдавался сам.

– Вы... Вы могли застрелить человека?

Сдержанный смех трех молодых людей был ответом на этот вопрос, и спрашивающему стало ясно, что жизненный опыт, которого не было у него, а он взвешивал на весах людские души, был дан в удел этим трём молодым людям с такой приятной внешностью. Он обратился к Невину, который вскарабкался на этажерку и сидел на ней, по-прежнему скрестив руки.

– А вы тоже?

– Мне кажется, что да, – мягко сказал Невин. – В Чёрных Горах он скатывал камни со скалы на мою полуроту и портил нам наше расположение. Я взял у солдата винтовку и вторым выстрелом сбросил его вниз.

– Великое небо! Но как же вы чувствовали себя после этого?

– Страшно хотелось пить и потом... курить.

Кливер взглянул на самого молодого из них – Буало. Уж наверное у этого руки были не запятнаны кровью. Но Буало покачал головой и рассмеялся.

– Продолжайте, Инфант, – сказал он.

– И вы тоже? – спросил Кливер.

– По-видимому, да. Видите ли, со мной дело было так, что я должен был выбрать – убить или быть убитым; и вот я кого-то убил. Я не мог поступить иначе, сэр.

Кливер взглянул на него так, как будто хотел задать ещё несколько вопросов, но Инфант, увлекаемый приливом вдохновения, уже заговорил снова.

– Ну вот, в конце концов, мы заслужили репутацию взбалмошных мальчишек, и нам было строжайше запрещено брать с собой томми под каким бы то ни было предлогом. Я не был особенно огорчён, потому что томми – довольно требовательные существа. Они желают жить так, как будто мы находимся все время в казармах. Я питался птицей и варил себе кашу из крупы, но мои томми непременно желали иметь свой фунт свежего мяса, пол-унции того и две унции другого, а если нам случалось пробыть четыре дня в джунглях, они приходили и приставали с табаком. Я говорил им: «Я могу вам дать бирманского табаку, но я не могу держать у себя в рукаве маркитантскую лавочку». Но они с этим не считались. Они желали иметь все деликатесы сезона – и ничуть не смущались требовать их.

– Вы были одни, когда вам приходилось иметь дело с этими людьми? – спросил Кливер, глядя на Инфанта. Им овладели новые мысли, которые, по-видимому, мучили его.

– Разумеется, один, если не считать москитов, они были почти такой же величины, как люди. Когда пришла моя очередь лежать догго, я начал искать, что бы мне делать. Я был в большой дружбе с одним человеком по имени Хиксей, служившим в полиции; это был лучший человек, который когда-либо жил на свете, первоклассный человек!

Кливер одобрительно кивнул головой: он понимал, как надо ценить энтузиазм.

– Между нами была такая крепкая дружба, как между во-

рами. Под его командой было несколько конных стражников – удалых малых, вооружённых саблями и карабинами. Они ездили верхом на крепких и коренастых бирманских пони с верёвочными стременами, на красных сёдлах и с красными уздечками. Хиксей посылал мне обычно шестерых или восьмерых из них – сущие маленькие дьяволы, сердитые, как горчица. Но они слишком много рассказывали своим жёнам, и все мои планы раскрывались раньше времени, пока я не придумал назначать им на ночь ложные маршруты, а утром вести их в совершенно ином направлении. Тогда нам удавалось захватить глупого даку до завтрака, и это для него было очень чувствительно. Хлиндаталоне – очень угрюмая страна; сплошные бамбуковые джунгли, среди которых выются тропинки около четырех футов шириной. Даку знали все эти тропинки и бросались на нас из-за угла, но и конные полицейские знали эти тропинки не хуже самих даку, и мы устраивали на них облаву, загоняя то туда, то сюда. Если только нам удавалось спугнуть их, люди верхом на пони всегда имели преимущество в борьбе с пешими. Мы поддерживали во всей стране полный порядок в течение месяца. Потом мы захватили боха Нагхи, Хиксей, я и один гражданский чиновник. Это было очень забавно!

– Мне кажется, я начинаю немного понимать, – сказал Кливер. – Вам доставляло удовольствие наводить порядок и сражаться?

– Ещё бы! Нет ничего приятнее, чем удавшаяся экспеди-

ция, когда ваши планы исполняются, ваши сведения оказываются точными и правильными и весь суб-чиз, – я хочу сказать, все дело – разрешается, как формулы на чёрной классной доске. Хиксей собрал все сведения относительно боха. Он сжигал деревни в пятнадцати милях от нас и поджидал подкрепление. Нам же удалось раздобыть тридцать конных стражников и окружить их раньше, чем они принялись грабить и жечь вновь отстроенные нами деревни. В последнюю минуту один гражданский чиновник, приехавший сюда из Англии, решил, что он тоже может принять участие в нашем предприятии.

– А кто это был? – спросил Невин.

– Его звали Деннис, – медленно произнёс Инфант. – И больше я ничего не скажу о нем. Теперь он стал лучше, чем был тогда.

– Но сколько же лет было этому гражданскому чиновнику? – сказал Кливер. – Действие развивается само собой.

– Ему было тогда около двадцати шести лет, и он был страшно умен. Он знал множество всяких вещей, но мне кажется, он не обладал достаточным хладнокровием для борьбы с дакоитами. Однажды мы подошли к самой деревне, где расположился бох Нагхи, и простояли до самого утра, не производя большого шума. Деннис явился вооружённый до зубов – два револьвера, карабин и ещё разные вещи. Я разговаривал с Хиксеем относительно того, как расставить наших людей, когда Деннис втиснулся на своём пони между нами

и сказал: «А что же я буду делать? Что мне делать? Научите меня, что делать, товарищи!» Мы не сразу обратили на него внимание, но его пони вздумалось укусить меня за ногу, и я сказал: «Отодвинься немного, старина, пока мы не договоримся относительно атаки». Но он в сильном возбуждении все напирал на нас и, потрясая своими вожжами и револьверами, говорил: «Ах, Боже мой, Боже мой, Господи! Что же я должен делать, как вы думаете?» Он был смертельно напуган, а зубы его стучали, как в лихорадке.

– Я симпатизирую гражданскому чиновнику, – сказал Кливер. – Продолжайте, молодой воин.

– Самое забавное было то, что он вообразил себя нашим высшим начальством. Хиксей внимательно посмотрел на него и сказал ему, что он должен присоединиться к моему отряду. Это было порядочное свинство со стороны Хиксея. Этот малый все время гарцевал на своём пони и мешал мне, вместо того чтобы взять себе несколько человек и занять позицию, пока наконец я не рассердился, и карабины не защёлкали по ту сторону деревни. Тогда я сказал: «Ради Бога, успокойтесь и сядьте там, где вы стоите! Если вы увидите, что кто-нибудь выходит из деревни, стреляйте в него!» Я знал, что он не попал бы и в стог сена с расстояния в один ярд. Потом я взял своих людей и перелез с ними через садовую ограду, и тут началась забава. Хиксей нашёл боха в кровати под пологом от москитов, и он одним прыжком вскочил на него.

– Вскочил на него! – сказал Кливер. – Это тоже относится к войне?

– Да, – отвечал Инфант, уже вполне увлечённый собственным рассказом. – Разве вы не знаете, как прыгают на голову товарища в школе, когда он храпит в дортуаре? Бох спал в постели, окружённый саблями и пистолетами, а Хиксей бросился на него, как Зазель, через сетку, и все перемешалось: сетка, пистолеты, бох и Хиксей, и все вместе покатилося на пол. Я хохотал так, что едва мог стоять на ногах, а Хиксей осыпал меня проклятиями за то, что я не помогаю ему, тогда я предоставил ему сражаться, а сам пошёл в деревню. Наши люди рубили направо и налево и стреляли из карабинов так же, как дакоиты, и в самом разгаре свалки какой-то осел взял да и поджёг один дом, так что мы все должны были разбежаться. Я схватил одного даку и бросился вместе с ним к ограде, толкая его перед собой. Но он как-то выскользнул у меня из рук и перепрыгнул на другую сторону. Я побежал за ним, но в то время, когда одна моя нога была по эту сторону, а другая – по ту сторону ограды, я увидел, что даку упал прямо на голову Деннису. Этот господин даже не двинулся с того места, где я его оставил. Они вместе покатались по земле, причём карабин Денниса выстрелил и чуть-чуть не застрелил меня. Даку поднялся на ноги и побежал, а Деннис послал ему вдогонку свой карабин, который попал ему в затылок и оглушил его. Вы, вероятно, ни разу в жизни не видели ничего более забавного. Сидя на ограде, я весь скор-

чился от душившего меня смеха. Но Деннис принялся оплакивать свой поступок. «О, я убил человека, – говорил он, – я убил человека и теперь не буду иметь в жизни ни одной спокойной минуты! Что он, умер? О! Взгляните, умер он? Господи Боже мой, я убил человека!» Я спустился к нему и сказал: «Не говорите глупостей», но он продолжал выкрикивать: «Неужели он умер?» – так, что я едва не ударил его. А даку был просто оглушён карабином. Немного погодя он пришёл в себя, и я спросил его: «Тебе больно?» Он проговорил: «Нет». Его грудь была вся изранена, когда он перелез через ограду. «Это не ружьё белого человека так сделало, – сказал он, – это я сам сделал, и я свалил с ног белого человека». Но Деннис никак не мог удовлетвориться этим. Он сказал: «Перевяжите его раны, он истечёт кровью! О! Он истечёт кровью». – «Перевяжите его сами, – сказал я ему, – если вы так боитесь за него». – «Я не могу дотронуться до него, – сказал Деннис. – Но вот вам моя рубашка». Он снял рубашку, а подтяжки натянул опять на голые плечи. Я разорвал рубашку и перевязал дакоита как следует. Он все время скалил зубы на Денниса, а сумка Денниса лежала на земле и была доверху полна сэндвичей. Жадная свинья! Я взял несколько из них и предложил их Деннису. «Как я могу есть? – сказал он. – Как можете вы предлагать мне есть? Его кровь теперь на ваших руках, а вы едите мои сэндвичи!» – «Ну ладно! – сказал я. – Так я отдам их даку». Так я и сделал, и парнишка был страшно доволен и проглотил их в один момент.

Кливер с такой силой опустил руку на стол, что пустые стаканы затанцевали на месте.

– Вот это – искусство, – сказал он, – очень гладко и с большим темпераментом сочинено! Но не уверяйте же меня, что все это случилось в действительности.

Зрачки глаз Инфанта уменьшились до величины булавочных головок.

– Прошу извинения, – сказал он медленно и немного сухо. – Я рассказал вам все так, как было в действительности.

Кливер с минуту смотрел на него.

– Это всецело моя вина, – сказал он. – Я должен был знать это. Пожалуйста, продолжайте.

– Хиксей вышел из того, что осталось от деревни, вместе со своими пленниками, которые были ловко связаны между собой. Бох Нагхи вышел первым, и один из крестьян, убедившись в беспомощности старого разбойника, начал потихоньку толкать его ногой. Бох терпеливо сносил удары, но потом застонал, и мы увидели, в чем было дело. Хиксей хорошенько связал крестьянина и затем всыпал ему с полдюжины хороших ударов бамбуковой тростью, чтобы помнил, что пленных надо оставить в покое. Посмотрели бы вы, как скалил зубы старый бох! О! Но и Хиксей был страшно разозлён на всех. Он получил такой сильный удар в руку выше локтя, что у него треснула кость, а кроме того, он был в страшной ярости на меня за то, что я не помог ему справиться с бохом и

с пологом от москитов. Я должен был объяснить ему, что я ничего и не мог сделать. Если бы вы видели их вместе, как они катались по полу, вы бы смеялись целую неделю. Хиксей клялся, что единственный порядочный человек из его знакомых – это бох, и всю дорогу до лагеря он разговаривал с бохом, и бох жаловался ему на боль в костях. Когда мы вернулись домой и вымылись, бох пожелал узнать, когда его повесят. Хиксей сказал ему, что он не может доставить ему этого удовольствия на месте, а должен послать его в Рангун. Тут бох встал на колени и перечислил ему целый каталог своих преступлений – по его собственному признанию, его надо было уже семнадцать раз повесить, и он умолял Хиксея устроить это немедленно.

– Если меня пошлют в Рангун, – сказал он, – то меня будут всю жизнь держать в тюрьме, а это та же смерть: при каждом заходе солнца или движении ветра я буду умирать.

Но мы должны были послать его в Рангун, и, конечно, он был выпущен из тюрьмы и сослан на пожизненные каторжные работы.

Когда я приехал однажды в Рангун, я пошёл осмотреть тюрьму, – я, знаете ли, много содействовал её наполнению, – и старый бох был там, и он сразу причинил мне много неприятностей. Прежде всего он попросил меня дать ему немного опиума, и я постарался сделать это, хотя это было запрещено тюремными правилами. Потом он стал просить меня, нельзя ли заменить его приговор смертью, потому что он боялся

быть сосланным на Андаманские острова. Этому уж я не мог помочь, но я постарался ободрить его и рассказал ему все, что знал, о его родине, и последние его слова были: «Передайте мой поклон толстому белому человеку, который прыгнул на меня. Если бы я не спал, я убил бы его». Я написал об этом со следующей почтой Хиксею... Вот и все. Я боюсь, что слишком много наболтал, сэр.

Долгое время Кливер не произносил ни слова. Инфант чувствовал некоторую неловкость. Он боялся, что, увлѣкшись, он занял время новеллиста ненужным пересказом тривиальных анекдотов.

Но Кливер заговорил:

– Я не могу понять этого. Зачем вам нужно было видеть и проделывать все эти вещи, когда у вас ещё не прорезались зубы мудрости?

– Я не знаю, – сказал Инфант, как бы оправдываясь, – я не много видел, одни только бирманские джунгли.

– А мёртвых людей, а войну, а представителей власти, а ответственность власти? – сказал Кливер тихим голосом. – К тридцати годам для вас не останется никаких новых ощущений, если вы будете так быстро жить, как жили до сих пор. Но я бы хотел послушать ещё рассказы, много рассказов!

Он как будто забыл, что даже субалтерны могли иметь свои интересы.

– Мы хотели где-нибудь вместе пообедать и потом пойти

в Импайр³, – неуверенно сказал Невин. Ему, по-видимому, не хотелось приглашать Кливера с собой. Приглашение могло показаться чересчур близким к навязчивости, а Кливер, боясь оказаться непрошеным гостем среди молодых и помня о своей седой бороде, тоже со своей стороны не сказал ни слова.

Буало вышел из этого маленького затруднения, неожиданно спросив гостя: «Не желаете ли пойти с нами, сэр?»

Кливер тотчас же громко отозвался: «Да!» – и, пока ему помогали накинуть пальто, он не переставал бормотать: «Великое небо!» – но таким тоном, что молодые люди не могли понять его.

– Мне кажется, я ещё ни разу в жизни не был в Импайре, – сказал он. – Но что такое моя жизнь по сравнению со всем прочим. Идём же!

Они пошли вместе с Евстахием Кливером, а я надулся и остался дома, потому что они пришли ко мне, а ушли с человеком, который казался им лучше меня, и это было мне обидно. Они с величайшим почтением усадили его в кэб, потому что он ведь был автор книги «Как было вначале», то есть лицом, быть в обществе которого считалось за честь. Из того, что я узнал потом, оказалось, что его гораздо меньше интересовало представление на сцене, чем их разговор, но они с восторгом утверждали, что это был «такой хороший человек, какого только они могут себе представить. Он знает

---

³ Театр комической оперы.

то, что человек только ещё наметил в мыслях и собирается высказать, но при этом чертовски наивен в самых обыкновенных вещах, которые всем известны». Это было одно из многих замечаний, высказанных ими.

В полночь они вернулись, представляя себя в качестве «высокочтимых гондольеров», которые особенно нуждаются в устрицах и портере. Знаменитый новеллист был тут же, среди них, и я хорошо помню, что он называл их всех уменьшительными именами. Я помню также, как он говорил, что чувствует себя движущимся в каком-то нереальном мире и что Импайр явился перед ним в совершенно ином свете.

Все ещё помня недавнюю обиду, я коротко сказал ему:

– Благодаря небу, в нашей стране найдётся тысяч десять театров не хуже этого.

На это он отвечал мне какой-то цитатой, суть которой была в том, что хотя опера представляла великолепное зрелище, но я могу быть уверенным, что очень немногие губы складывались бы для пения, если бы могли найти удовлетворение в поцелуях. Из чего я сделал заключение, что Евстахий Кливер, декоратор и колорист в словах, богохульствовал, говоря о своём собственном искусстве, и очень будет жалеть об этом на следующее утро.